Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 236–245
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2024;(3):236–245
Проблемы социологии

Научная статья
УДК 316.422.42+323.21
https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-236-245 EDN TKXZKK

Институциональные трансформации гражданского общества в России в период специальной военной операции

Владимир Николаевич Гурба[1], Виктория Георгиевна Громакова[2]

[1, 2]Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
[1]vgurba@sfedu.ru
[2]victoriagromakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5734-1023

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена экзистенциальным вызовом, с которым столкнулось российское общество в связи с событиями, сопровождающими Специальную военную операцию. Широкомасштабные военные действия и беспрецедентное санкционное давление вкупе с агрессивной антироссийской пропагандой стали настоящим испытанием гражданских качеств как каждого россиянина в отдельности, так и общества в целом. Сложившаяся военно-политическая обстановка не могла не повлиять на ход трансформации институтов гражданского общества, вызванной крахом советской системы и затянувшейся по настоящее время. Оценка уровня и вектора данного влияния, перспектив и рисков стала целью данного исследования. Основываясь на данных научной литературы, социологических опросов и медиаконтента, приняв в качестве теоретико-методологической базы концептуальные положения неоинституционализма и структуралистского конструктивизма, авторы проанализировали изменения социальных практик в сфере проявления гражданского общества. Результаты исследования показали, что в процессе трансформации институтов гражданского общества четко обозначились несколько положительных тенденций, связанных с ростом открытого межличностного доверия, готовности к диалогу с государственной властью и консолидации. Однако было обнаружено и несколько деструктивных тенденций, которые необходимо держать под контролем.

Ключевые слова: социальная трансформация, социальные институты, гражданское общество, институциональные изменения, институциональные ловушки, консолидация, доверие, государство, государственная власть

Для цитирования*:* Гурба В. Н., Громакова В. Г. Институциональные трансформации гражданского общества в России в период специальной военной операции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 236–245. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-236-245. EDN TKXZKK

Sociology Problems

Original article

Institutional transformations of civil society in Russia during the special military operation

Vladimir N. Gurba[1], Victoria G. Gromakova[2]

[1, 2]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
[1]vgurba@sfedu.ru
[2]victoriagromakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5734-1023

Abstract. The relevance of this study is due to the existential challenge faced by Russian society in connection with the events accompanying the Special military operation. Large-scale military actions and unprecedented sanctions pressure, coupled with aggressive anti-Russian propaganda, have become a real test of the civic qualities of both each Russian individually and society. The current military-political situation could not but affect the course of the transformation of civil society institutions caused by the collapse of the Soviet system and prolonged to the present. The purpose of this study was to assess the level and vector of this influence,

© Гурба В. Н., Громакова В. Г., 2024

prospects and risks. Based on the data of scientific literature, sociological surveys and media content, adopting the conceptual provisions of neo-institutionalism and structuralist constructivism as a theoretical and methodological basis, the authors analyzed changes in social practices in the field of civil society manifestation. The results of the study showed that in the process of transformation of civil society institutions, several positive trends were clearly identified, associated with the growth of open interpersonal trust, readiness for dialogue with government authorities and consolidation. However, there are also several destructive trends that need to be kept under control.

Keywords: social transformation, social institutions, civil society, institutional changes, institutional traps, consolidation, trust, state, state power

For citation: Gurba V. N., Gromakova V. G. Institutional transformations of civil society in Russia during the special military operation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2024;(3):236–245. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-3-236-245. EDN TKXZKK

Введение

Проблематика социальной трансформации стала активно обсуждаться в социологической печати с 90-х годов XX века в связи с распадом Советского Союза и переориентацией обществ, входивших ранее в социалистический блок, на социоструктурные модели западного образца.

Кризис затронул буквально все сферы жизни обществ на постсоветском пространстве, включая политическую, экономическую, культурную, социальную (на всех уровнях от социетального до интерперсонального). Не стала исключением и Россия.

За прошедшие три десятилетия российское общество почти преодолело все стадии культурной травмы по П. Штомпке [1], приблизившись к завершению трансформационного процесса. Установились относительно стабильные контуры социальных институтов, обладающих признаками дисфункциональности, но тем не менее обеспечивающих, несмотря на санкционное давление, постепенный рост уровня жизни населения [2] и тенденцию к постепенному изживанию негативного наследия трансформационного кризиса. Одновременно укреплялась позиция России и во внешней политике.

Однако такая ситуация в корне не устраивала претендующих на гегемонию США и возглавляемый ими так называемый коллективный Запад, которым была выгодна слабая во всех смыслах Россия [3].

Нарастающее геополитическое напряжение выразилось в том числе в нагнетании антироссийских и русофобских настроений среди жителей Украины, которая после инициированного США госпереворота в 2014 г. полностью утратила суверенитет, превратившись в проводника интересов гегемона, и неуклонно готовилась к вооруженному конфликту с Россией. Непрекращающийся геноцид жителей Донбасса, сопровождаемый воинственной риторикой Киева при полной поддержке коллективного Запада, а также откровенное нежелание последнего к разговору на принципах партнерства и взаимного уважения вынудило правительство РФ начать специальную военную операцию на Украине (далее – СВО) [4], что для геополитических противников России стало поводом к введению беспрецедентного количества санкций против нашей страны [5]. Так в настоящее время наше общество, еще не до конца оправившееся от последствий постсоветского кризиса, оказалось перед лицом нового экзистенциального вызова. Изменившиеся обстоятельства не могли не сказаться на состоянии социальной системы и ходе трансформационных изменений, однако вектор данного влияния еще предстоит изучению и оценке.

Тот факт, что важным фактором преодоления внешнеполитической и особенно военной угрозы является способность общества к консолидации и конструктивному взаимодействию с государством, определил цель исследования, обсуждаемого в настоящей статье.

Цель – изучить институциональные трансформации гражданского общества в России в период СВО на Украине.

Эмпирическую базу исследования составили официальные документы Российской Федерации, результаты социологических опросов, материалы российских медиа, включая официальные СМИ и блогосферу.

Теоретико-методологической базой данного исследования стали неоинституционализм и структуралистский конструктивизм. Соответственно, под социальными институтами здесь понимаются комплексы норм и правил, регулирующих социальные отношения в определенных сферах жизни общества, а также соответствующие им устойчивые поведенческие паттерны. Таким образом социальные институты предстают тесно связанными с социальными практиками, посредством которых реализуются, закрепляются и видоизменяются со временем.

Состояние социально-политической сферы общества в России к началу СВО

Поскольку гражданское общество является частью социально-политической подсистемы проанализируем представленные в научной печати характеристики данной сферы жизни российского общества на этапе, непосредственно предшествовавшем началу СВО.

К началу 20-х годов текущего столетия в научных публикациях широко освещались:

- проблемы коррупции в российском обществе и клиентарно-корпоративистских структур в институтах власти [6, 7];
- кризис доверия и ослабление солидарности, ориентированность на «игры с нулевой суммой» [8];
- правовой нигилизм [9, 10, 11];
- затянувшийся трансформационный транзит [12].

В одной из наших публикаций [13] мы предприняли попытку проиллюстрировать взаимосвязь перечисленных негативных трендов. Было теоретически обосновано и посредством когнитивной карты продемонстрировано наличие усиливающего контура обратной связи, включающего такие факторы, как «эффективность легальных социальных институтов», «оппортунистическое поведение» и «институциональное доверие».

Падение эффективности институтов, вызванное попыткой реформировать их по западному образцу без учета специфики исторически сложившейся институциональной матрицы, повлекло за собой резкий рост оппортунистических практик и, как следствие, столь же резкое падение доверия к социальным институтам, еще больше снизившее их эффективность. Еще одним следствием распространения оппортунизма стало падение открытого межличностного доверия при сохранении закрытого, что привело к формированию внутри общества относительно обособленных групп, характеризующихся высокой сплоченностью, обусловленной наличием общих интересов экономического и политического характера, как правило пренебрегающих законом. Деятельность таких группировок в управленческой среде способствовала закреплению социальных отношений по типу непотизма, клиентелизма, коррупции, круговой поруки, масштабы которых в полной мере позволяли говорить не только о дисфункциях легальных социально-политических институтов, но и о становлении теневых – противозаконных, но широко практикуемых и устойчивых моделей поведения, ставших для немалой части населения «нормальными». По механизму возникновения такие формы отношений представляют собой типичные «институциональные ловушки» [14], появление которых предопределяется глубоким социетальным кризисом.

Также в упомянутой работе обсуждались возможные пути выхода из замкнутого круга институциональных дисфункций. Предпочтительным гипотетически могло бы стать решение данной проблемы силами гражданского общества, будь оно достаточно консолидированным, организованным и способным противостоять теневым институтам. Однако приходилось признать, что на тот момент гражданское общество в России являлось крайне слабым. Поэтому единственным реалистичным представлялся механизм постепенного разрушения теневых институтов посредством усиления легального институционального контроля, инициированного и организованного сверху. И с такой точки зрения этатистские и патерналистские установки россиян выступали в качестве ресурса для преодоления кризиса, поскольку определяли готовность сплотиться вокруг сильного лидера.

Схожая точка зрения обнаруживается также в работе С. М. Иншакова и В. А. Казаковой [15], которые, анализируя пути противодействия коррупции, говорят о том, что в настоящее время «лишь руководитель государства, который по тем или иным причинам начинает воспринимать коррупцию как угрозу или препятствие в реализации своих политических планов», может с опорой на гражданское общество осуществить процесс преодоления данной проблемы. По мнению авторов обсуждаемой статьи, которое мы полностью разделяем, в России такой лидер сегодня есть. Однако до недавнего времени недоставало второго субъекта, необходимого для успешной борьбы с теневыми институтами – гражданского общества. Вероятно, это понимал и президент В. В. Путин, создавая Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека в 2004 г.[1], и это же имел в виду, когда во время прямой линии в 2013 г. на вопрос журналиста В. Н. Боронца о привлечении

[1] Указ Президента Российской Федерации «Указ о Совете по содействию развития институтов гражданского общества и правам человека» от 6 ноября 2004 года № 1417. Указом Президента РФ от 01.02.2011 № 120 переименован в «Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» (См. Указ Президента РФ от 01.02.2011 № 120 (в ред. от 19.02.2021 № 107) «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 6. Ст. 852).

к уголовной ответственности представителей высших элитарных слоев ответил: «В нашей стране еще не пришло время реализовывать китайскую стратегию привлечения к уголовной ответственности “мух” и “тигров”»[15].

Несмотря на довольно серьезные изменения, происходившие в нашей стране в первое десятилетие XXI века, далее прогресс замедлился и в сравнении с 2013 годом в состоянии гражданского общества к 2022-му мало что поменялось. Рассмотрим состояние институтов гражданского общества в этот период подробнее.

Состояние институтов гражданского общества в предшествовавший СВО период

Как уже отмечалось выше, в отличие от старого институционализма [16] новая теория под социальными институтами понимает не объединения людей, а «правила игры в обществе»[1], т. е. это нормы, правила, ограничения, укоренившиеся в обществе и определяющие устойчивые формы социальных отношений. Поэтому показателями степени состоятельности институтов гражданского общества является не столько наличие некоего числа негосударственных некоммерческих объединений, сколько осознание гражданами личной ответственности и личного вклада в положение дел в стране, в том числе и в противодействии теневым институтам.

Причем эффективное противодействие распространению нелегальных теневых форм социальных отношений со стороны граждан предполагает не только их личный отказ от участия в подобных социальных практиках, но и диалог с государственной властью, поскольку только государство располагает законным правом назначения и исполнения наказаний, в том числе в отношении недобросовестных чиновников, а также действенными механизмами поддержки гражданских инициатив, связанных с оптимизацией правовых или организационных аспектов управления. Готовность к ведению такого диалога в конструктивном ключе является важнейшей институциональной составляющей гражданского общества, реализация которой на практике существенно способствовала бы решению упомянутых ранее дисфункций социально-политической системы: коррупции, непотизма, клиентелизма и т. п. Возьмем на себя смелость предположить, что в данном случае готовность включает те же компоненты, которые составляют любую другую установку к действию:

– ценностный (понимание важности и необходимости конструктивного взаимодействия с властью);

– когнитивный (представление о том, что такой диалог возможен и не бесполезен);

– конативный (владение действенными способами взаимодействия с властью, отстаивания личных и общественных интересов в рамках закона, т. е. наличие соответствующего опыта).

Другим важным признаком гражданского общества и зрелости организующих его социально-политических институтов принято считать способность граждан самостоятельно объединяться для достижения целей, служащих интересам личности и общества, и действовать в рамках закона. Исходя из данного определения, остановимся на трех упоминаемых в нем атрибутах институтов гражданственности и обсудим наличие таковых в российском обществе к началу двадцатых годов:

– Самостоятельность общественных объединений. Собственно объединений в постсоветской России было создано множество, однако главным образом (исключение имели место, но в редких случаях) они либо фактически курировались и получали финансовую поддержку от государства, либо создавались на средства иностранных фондов, тесно связанных с иностранными спецслужбами.

Первый вариант может рассматриваться как логичные усилия государства, осознавшего значимость гражданского общества для благоприятного развития страны и потому предпринимающего попытки содействовать его развитию путем создания условий для освоения необходимых форм социальных отношений. В таком ракурсе появление негосударственных объединений при поддержке со стороны госструктур может рассматриваться как первоначальный, «обучающий», этап в становлении гражданского общества. Данный механизм не лишен недостатков. Существуют риски проникновения в создаваемые таким путем организации все той же коррупции и других «болезней власти», а также сведения их деятельности к проведению мероприятий, преследующих в первую очередь медийные цели, и составлению «красивых» отчетов. Но поскольку шансы на получение эффекта, действительно полезного с точки зрения развития гражданских качеств, не равны нулю, а лучших рычагов влияния у государства в данном вопросе нет, следует признать подобные инициативы целесообразными.

[1] Норт Д. Вклад неоинституционализма в понимание проблем переходной экономики (лекционное выступление Д. Норта 7 марта 1997 г.). Пер. В. Б. Кутилиной // Экономика и финансы. URL: www.finansy.ru/publ/north.htm

Что же касается второго варианта – некоммерческих объединений, финансируемых из-за рубежа – то представляется очевидным, что и действуют они в интересах тех субъектов, при поддержке которых создаются и функционируют, в связи с чем существование такого рода организаций не является признаком зрелого гражданского общества не только с точки зрения отсутствия самостоятельности, но и по направлению деятельности. То есть вызывает большие сомнения наличие у них следующего качества:

– Действие в интересах личности и общества. Далеко не все НКО, возникавшие на территории РФ, а также представители оппозиции обладали данным качеством. В значительной части члены некоммерческих объединений и инфлюэнсеры сосредотачивались исключительно на противодействии государству, огульной критике власти, включавшей распространение бездоказательных обвинений и откровенных фейков. То есть важнейшая функция гражданского общества – «действие в интересах личности и общества» – была подменена действиями «против» государства. Признавая, что гражданское общество может в некоторых обстоятельствах противодействовать государственному аппарату (как пример, тем же коррупционерам), необходимо четко понимать, что такого рода активность никак не может выступать в качестве самоцели. Первоочередная миссия гражданского общества – стоять на страже частных и общественных интересов (находящихся в неразрывном единстве). Следовательно, в тех случаях, когда государство предпринимает усилия в том же направлении, гражданское общество призвано оказывать ему всяческую поддержку, а при наличии поводов для критики – руководствоваться принципами ответственности в отношении распространяемой информации и минимизации вреда («не навреди»).

Ничего подобного в деятельности финансируемых из зарубежа НКО не наблюдалось. Напротив, все недостатки российского государства гипертрофировались, все достижения обесценивались, параллельно с чем следовали неизменные призывы к конфронтации, а зачастую и не много-не мало насильственной смене власти, без малейших пояснений по поводу того, каким образом дестабилизация социально-политической обстановки в стране могла бы способствовать улучшениям в жизни граждан. С учетом вышесказанного НКО такого рода никак нельзя признать частью гражданского общества. Разве только – «антигражданского». Поэтому ограничения их деятельности, зафиксированные в законе об иноагентах[1], выглядят вполне обоснованными и никак не ущемляющими гражданских свобод.

– Уважение к закону. Третий атрибут гражданского общества, само существование которого возможно только в рамках правового государства, в коем соблюдается принцип верховенства закона, распространяющийся в равной мере и на представителей власти, и на тех, кто желает выразить несогласие с решениями и действиями власть имущих. По этой причине столь любимые представителями российской оппозиции несанкционированные митинги и демонстрации вряд ли можно отнести к проявлениям ответственной гражданской позиции.

В целом, можно сказать о том, что гражданское общество как социально-политический институт в России к 2022 г. находилось в процессе становления и на тот момент еще не достигло необходимой степени зрелости, чтобы стать надежной опорой для президента в деле борьбы с проявлениями теневых институтов, характерных для управленческой подсистемы современного российского социума. Таким образом, результаты институциональной трансформации в сфере государственного управления и гражданского общества, несмотря на достижение некоторой стабильности, на тот момент сложно было назвать полностью удовлетворительными.

Таким образом, начальная фаза СВО застала российское общество в тот момент, когда, несмотря на приближение к финальной фазе трансформационного перехода, состояние социальных институтов характеризовалось целым рядом дисфункций, заключавших в себе существенные риски дестабилизации в будущем. Тем острее вставал вопрос о том, каким образом социетальная система могла отреагировать на экзистенциальный вызов. Проанализируем происходящие изменения с акцентом на выделенные болевые точки.

[1] Федеральный закон от 20.07.2012 № 121-ФЗ (в ред. от 04.06.2014 № 147-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

Институциональные трансформации гражданского общества в России в период СВО

Консолидация и доверие

С начала СВО все исследования общественного мнения, проводимые как государственными, так и независимыми организациями, демонстрируют высокий уровень поддержки, выражаемой гражданами России в отношении решений президента и правительства, принятых с целью денацификации и демилитаризации Украины[1]. Уровень согласия граждан с решением о начале СВО в первые дни спецоперации составлял 65 %. По данным опроса ВЦИОМ от 24.02.2024 года, т. е. два года спустя, он составил 68 %, причем о необходимости каждому вносить посильный вклад в успешное завершение СВО тогда же высказались 72% россиян[2]. Также отмечается высокий уровень доверия президенту и армии[3]. Кроме того, перед лицом внешней угрозы наблюдается повышение открытого межличностного доверия и консолидация в вопросах оказания помощи военным, а также украинским беженцам и жителям вновь присоединенных областей и так называемых «коренных» российских регионов, страдающих от атак со стороны Украины[4][17].

Вместе с тем социологические опросы показывают, что общество не едино в отношении к СВО. На фоне поддержки со стороны большинства наблюдается также и противоположная точка зрения - категорическое несогласие – которая колеблется в диапазоне 15 – 25 % (ВЦИОМ), по данным других исследовательских групп доля несогласных выше и приближается к 30%[5]. Причем, в первые дни после начала военной операции противники СВО также демонстрировали высокую активность в публичной сфере[6] и стремительную протестную консолидацию, которые значительно снизились благодаря своевременно принятым законам об ответственности за дискредитацию российской армии и блокировке некоторых Интернет-ресурсов. Однако, несмотря на невозможность проведения публичных акций, мнения о недопустимости войны «с братским народом», неправомерности посягательств на суверенитет независимого государства, а также о необходимости заключения мира немедленно и любой ценой в российском социуме по-прежнему представлены. В связи с таким положением дел некоторые авторы говорят о расколе общества, возникшем в связи с началом СВО.

Признавая в целом обоснованность такого вывода, тем не менее стоит отметить, что стопроцентное согласие в обществе в принципе недостижимо. В том числе и во времена войн в любом обществе находятся люди, предпочитающие уступки борьбе и даже готовые оказывать поддержку враждебному иностранному государству, отказывая в таковой собственному. Существование такой точки зрения несет в себе риски, связанные с тем, что на подобного рода умонастроениях могут сыграть действующие в интересах геополитических оппонентов агенты влияния. В данном случае недооценивать возможности хорошо организованного меньшинства.

---

[1] Федоров В. Об отношении россиян к СВО, эффекте объединения вокруг флага // ВЦИОМ. 18.05.2022. URL: https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedinenija-vokrug-flaga (дата обращения: 27.08.2024); Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации // РБК. 18.05.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718a6e8560f (дата обращения: 27.08.2024); Эксперты обсудили трансформацию образа героя в сознании граждан страны // Лента.ру. 21.07.2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/07/21/geroi/ (дата обращения: 27.08.2024); Всероссийский опрос патриотических слоев общества об отношении к СВО // Харьков.ру. 19.09.2022. URL: https://news-kharkov.ru/society/2022/09/19/18427.html (дата обращения: 27.08.2024); Конфликт с Украиной: октябрь 2022 года // Левада-центр (признан в России иностранным агентом). 27.10.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/10/27/konflikt-s-ukrainoj-oktyabr-2022-goda/ (дата обращения: 27.08.2024).

[2] Специальная военная операция два года спустя // ВЦИОМ. 24.02.2024. UPL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja (дата обращения: 27.08.2024)

[3] https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/armija-iobshchestvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii

[4] Благотворительность, помощь беженцам и участникам СВО, волонтерство // Левада-центр (признан в России иностранным агентом). 18.01.2023. https://www.levada.ru/2023/01/18/blagotvoritelnost-pomoshh-bezhentsam-i-uchastnikam-svo-volonterstvo/ (дата обращения: 27.08.2024)

[5] Такую информацию приводит РБК со ссылкой на данные Russian Field (см. Социологи составили портреты сторонников и противников спецоперации // РБК. 18.05.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/18/05/2022/62825a8f9a794718a6e8560f (дата обращения: 27.08.2024).

[6] Шилов С. Скованные одной цепью. Когда началось СВО, я помню вал антироссийского контента, который накрыл меня в запрещённых ныне Facebook, Instagram и вроде пока легальном YouTube // Харьков.ру. 25.08.2024 URL: https://news-kharkov.ru/incident/2024/08/25/119663.html (дата обращения: 27.08.2024)

О власти организованного меньшинства над большинством говорил еще Гаэтано Моска [18]. Исследования же механизмов влияния мнения, выражаемого меньшинством, на поведение большинства были положены Сержем Московичи [19]. Технологии социально-политической дестабилизации за счет активного недовольного властью меньшинства давно отработаны и неоднократно успешно применялись западными политтехнологами, по щелчку пальцев устраивавшими цветные революции в разных странах мира [20]. Однако для их реализации необходим доступ к популярным каналам массовой коммуникации для пропаганды и управления протестным потенциалом. К счастью, меры для недопущения подобных сценариев в России были приняты. Ограничения, налагаемые на деятельность иноагентов и ответственность за распространение антироссийского контента, повышают шансы на консолидацию конструктивно настроенных граждан и успешное преодоление институциональных дисфункций.

Что же касается наличия в обществе противников СВО, то до тех пор, пока не происходит их консолидации с целью активного противодействия властям и пророссийски настроенным гражданам, говорить о расколе общества не приходится. По нашему мнению, российское общество в данный момент не расколото, оно плюралистично, что отнюдь неплохо, поскольку свобода совести и свобода слова, не подменяемые вседозволенностью и, соответственно, не допускающие откровенной лжи и целенаправленной подрывной деятельности, являются важными факторами развития социальной системы.

Конструктивный диалог с властью

События, связанные с СВО, послужили стимулом к развитию социально-политических институтов, а именно гражданского общества, и в этом направлении. Знаковым моментом в данном плане стал эпизод с отводом российских войск из Киевской и Черниговской областей в марте 2022 г. по итогам переговоров в Стамбуле, который Владимир Мединский на брифинге 29 марта 2022 г. назвал «шагом доброй воли»[1]. Данное заявление вызвало в народе гнев («мальчишки гибнут зря») и ассоциации с Хасавюртовскими соглашениями 1996 г.[2], результатом которых на фоне успешного штурма российскими войсками Грозного стали односторонние уступки со стороны федеральных властей, вывод войск из Чечни, что в дальнейшем привело к росту террористической угрозы и второй Чеченской войне. Волна народного возмущения вылилась в социальные сети и мессенджеры, и уже на следующий день, 30 марта 2022 г. В. Мединский выступил с разъяснениями, акцентировав внимание на письменно зафиксированных уступках Киева и на том, что «принципиальная позиция Москвы по вопросам Крыма и Донбасса остается неизменной»[3].

Управленческое решение не было изменено в угоду общественному мнению. Как утверждал В. Федоров, мы не можем «говорить о том, что решения принимаются на базе опросов»[4], что, на наш взгляд, безусловно правильно. Популистские решения не та тактика, которая способна привести к стратегическому успеху в силу того, что общественное мнение – это отнюдь не мнение экспертов. Оно показывает, как та или иная ситуация выглядит в представлениях людей, которые в своем подавляющем большинстве не располагают ни теоретической базой, ни фактологическими данными, достаточными для объективных выводов.

Важность общественного мнения обусловлена тем, что представления людей опосредуют их поведенческие реакции, которые в свою очередь способны изменять объективную реальность. Поэтому общественное мнение должно учитываться как один из факторов при составлении прогнозов и оценке вероятных эффектов от принятия тех или иных управленческих решений, что власть и делает, проявляя неизменный интерес к результатам социологических опросов[5]. Но описанный выше случай примечателен тем, что общественное мнение было не только услышано, но и не было оставлено без ответа, причем не в рамках инициированного сверху разговора, как это практиковалось в ходе прямых линий с президентом, а как результат стихийного волеизъявления. Соответственно общество получило однозначное подтверждение тому, что государству небезразлично мнение его граждан и оно готово к диалогу. Кроме того, данный эпизод представляется интересным

[1] https://yandex.ru/video/preview/16092299369833265003
[2] В качестве одного из примеров соответствующих обсуждений: https://vk.com/wall-75679763_3249415
[3] https://dzen.ru/video/watch/62446ac02d3a72743562d10a?f=d2d
[4] Федоров В. Об отношении россиян к СВО, эффекте объединения вокруг флага // ВЦИОМ. 18.05.2022. URL: https://wciom.ru/sobytie/valerii-fedorov-v-intervju-rtvi-rasskazal-ob-otnoshenii-rossijan-k-svo-ehffekte-obedinenija-vokrug-flaga (дата обращения: 27.08.2024).
[5] Там же.

и важным как свидетельство того, что представители власти теперь ориентируются в оценках общественных настроений не только на данные опросов, но и осуществляют мониторинг их проявлений в виртуальном пространстве, которое таким образом становится значимым каналом обратной связи.

Еще одним проявлением внимательного и уважительного отношения к общественному мнению стали встречи президента В. В. Путина с популярными военкорами и блогерами[1], которые отнюдь не всегда отзываются о состоянии дел в стране и на линии боевого соприкосновения в рамках СВО одобрительно[2]. Часто имеет место критика власти, обретшая особенную остроту в связи с проблемами в армии в зоне боевых действий, но критика конструктивная, с обсуждением возможных решений, и высшее руководство страны считает необходимым к ней прислушиваться. Причем немаловажно, что когда речь идет об интернет-коммуникации, то в отличие от традиционных СМИ, имеет место практически мгновенная обратная связь. Т. е. можно ознакомиться не только с мнением отдельно взятого журналиста или блогера, но и с реакцией публики. Таким образом, можно говорить о превращении социальных сетей и мессенджеров в площадки реального диалога власти и общества.

Если тенденция сохранится, то такой диалог может существенно поспособствовать формированию тех компонентов готовности к взаимодействию с властью, о которых шла речь выше: ценностного (взаимодействовать важно), когнитивного (взаимодействие возможно и не бесполезно) и конативного (существует действенный механизм).

Заключение

Таким образом, ситуация, в которой оказалась Россия с началом СВО, стала стимулом для становления важнейших институциональных качеств гражданского общества, в числе которых межличностное доверие, консолидация в интересах страны и готовность к конструктивному диалогу с властью. Соответственно, можно говорить о том, что в развитии данного социально-политического института наблюдается положительная динамика. Вместе с тем общество не едино в отношении к СВО и государству. Около 20 % граждан не поддерживают решение президента о силовом решении вопроса по демилитаризации и денацификации Украины. Далеко не все граждане, придерживающиеся такой позиции, желают поражения России. В большинстве случаев их позиция обусловлена либо недооценкой угрозы со стороны управляемой коллективным Западом Украины, либо неверием в то, что СВО способствует снижению таковой. Однако на умонастроениях данной части российского общества способны сыграть прозападные агенты влияния, действующие вразрез с интересами нашей страны. Следовательно, несмотря на в целом положительную динамику развития гражданского общества в России, риск социально-политической дестабилизации существует и заслуживает внимания как со стороны научного сообщества, так и государственных служб.

Список источников

1. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

2. Королёва Н. В., Гарамян Ю. А. Оценка динамики уровня жизни населения Российской Федерации // The scientific heritage. 2020. No 43. С. 20–25.

3. Шатилов А. Б. Аналитическое сопровождение специальной военной операции России: опыт первого этапа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12(3). С. 16–21.

4. Баккунов М.Г. Сущность категорий «война» и «специальная военная операция» / Специальная военная операция (СВО) и гражданское общество: социальное самочувствие, оценка, адаптация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Махачкала-Кизляр, 29 февраля 2024 г.). Махачкала: ДГУ, 2024 г. 423 с.

5. Татарко А. Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/grazhdanskaja-identichnost-i-mentalnoe-zdorove-rossijan-rol-psikhologicheskikh-strategii-sovladanija-v-uslovijakh-sankcionnoi-politiki.

6. Подопригора А. В. Эволюция голема: институт российской коррупции в условиях цифрового общества // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Ин-т философии и права уральского отделения Рос. акад. наук, 2019. С. 279–306.

[1] https://vk.com/video-41821502_456265200
[2] https://t.me/Sladkov_plus; https://t.me/yurasumy

7. Nomokonov V.A. Corruption system against Russia // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. № 13(10). С. 1638–1643.

8. Мартьянов В. С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Науч. ежегодник института философии и права уральского отделения Рос. акад. наук. Екатеринбург. 2017. Том 17. Вып. 1. С. 61–82.

9. Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития. Автореферат дисс. … доктора философ. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 51 с.

10.Лубский А. В., Лубкий Р. А., Пестов Р. А. Особенности рефлексивных и нерефлексивных структур правового поведения в современном российском обществе // Философия права. 2019. № 1. С. 54–59.

11.Громакова В. Г., Осяк А. Н., Сапунова Т. Г. Российское общество и государство в условиях институциональной трансформации // Философия права. 2019. №3 (90). С. 161–168. https://media.mvd.ru/files/embed/1659949

12.Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition // Economics of Transition and Institutional Change. 2019. Vol. 27. No. 1. Pp. 99–137.

13.Громакова В. Г. Институциональная трансформация в России: состояние, социальный механизм, перспективы // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. № 2. 2021. С. 42–48.

14.Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 1–37.

15.Иншаков С. М., Казакова В. А. Специальная военная операция как инструмент повышения уровня антикоррупционного потенциала // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 4. С. 847–857.

16.Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

17.Брылева Е. А. Благотворительность как проявление солидарности гражданского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции // Ex Jure, 2023. № 2. С. 7–16.

18.Моска Г. Элементы политической науки // Социс. 1995. № 4, 5, 8.

19.Moscovici S. Social influence and social change. N.Y., 1976.

20.Елишев С. О. О сущности «современных революций» и государственных переворотов. М.: Канон+ 2017. 336 с. https://ruskline.ru/analitika/2016/09/17/o_suwnosti_sovremennyh_revolyucij_i_gosudarstvennyh_perevorotov/

References

1. Sztompka P. Social change as a trauma. *Sociological research*. 2001;1:6-16. (in Russ.)

2. Koroleva N., Garamyan Y. Assessment of the dynamics of the living standards of the population of the Russian Federation. *The scientific heritage.* 2020;43:20–25. (in Russ.)

3. Shatilov A. B. Analytical support of the special military operation of Russia: experience of the first stage. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(3):16-21. (in Russ.)

4. Bakkunov M. G. The essence of the categories "war" and "special military operation". *Special military operation (SMO) and civil society: social well-being, assessment, adaptation. Materials of the All-Russian Scientific and practical conference (Makhachkala-Kizlyar, February 29, 2024)*. Makhachkala: DSU, 2024. 423 p. (in Russ.)

5. Tatarko A. Civil identity and mental health of Russians: the role of psychological coping strategies in the context of sanctions policy. *Sociodigger.* 2023;4,9(28). Available from: https://sociodigger.ru/articles/articles-page/grazhdanskaja-identichnost-i-mentalnoe-zdorove-rossijan-rol-psikhologicheskikh-strategii-sovladanija-v-uslovijakh-sankcionnoi-politiki. (in Russ.)

6. Podoprigora A. V. The evolution of the golem: the institution of Russian corruption in a digital society. *Actual problems of scientific support of the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption: sat. tr. following the results of the Third All-Russian Scientific Conference with the International participation.* Yekaterinburg: Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019:279–306. (in Russ.)

7. Nomokonov V. A. Corruption system against Russia. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.* 2020;13(10):1638–1643.

8. Martianov V. S. Trust in modern Russia: between the late Modern and the new estate? *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg*. 2017;17(1):61-82. (in Russ.)

9. Lubsky R. A. *Russian statehood as a social reality: methodology of multidimensional research, types, specifics of development.* Abstract of the dis. ... doctor of Philosophy. Rostov-on-Don, 2015. 51 p. (in Russ.)

10. Lubsky A.V., Lubky R. A., Pestov R. A. Features of reflexive and non-reflexive structures of legal behavior in modern Russian society. *Philosophy of Law.* 2019;1:54-59. (in Russ.)

11. Gromakova V. G., Osyak A. N., Sapunova T. G. Russian society and the state in terms of institutional transformation. *Philosophy of Law.* 2019;3 (90):161–168. (in Russ.)

12. Gaber E., Polishchuk L., Sokolov K., Stukal D. Chronicles of a democracy postponed: Cultural legacy of the Russian transition. *Economics of Transition and Institutional Change.* 2019; 27(1):99–137. (in Russ.)

13. Gromakova V. G. Institutional transformation in Russia: status, social mechanism, prospects. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. 2021;2:42-48. (in Russ.)

14. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms. *Economics and mathematical methods.* 1999; 35(2):1-37. (in Russ.)

15. Inshakov, S. M., Kazakova, V. A. Special military operation as a tool of increasing the anticorruption potential. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022;16 (4), 847–857. (in Russ.)

16. Veblen T. *Theory of the leisure class*. M., 1984. Pp. 200-201. (in Russ.)

17. Bryleva E. A. Charity as a manifestation of solidarity between civil society and the state in the context of a special military operation. *Ex Jure.* 2023;2:7-16. (in Russ.)

18. Mosca G. Elements of political science*. Sociological research.* 1995; 4, 5, 8. (in Russ.)

19. Moscovici S. *Social influence and social change*. New York, 1976.

20. Elishev S. O. *On the essence of "modern revolutions" and coups d'etat*. Canon+ 2017. 336 p. Available from: URL: https://ruskline.ru/analitika/2016/09/17/o_suwnosti_sovremennyh_revolyucij_i_gosudarstvennyh_perevorotov/ (in Russ.)

Информация об авторах

В. Н. Гурба– доктор социологических наук, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности ЮФУ.
В. Г. Громакова – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности ЮФУ.

Information about the authors

V. N. Gurba – Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University.
V. G. Gromakova – Cand. Sci. (Biology), Associate Professor of the Department of Conflictology and National Security, Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.
The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 02.09.2024.